

Большая игра для маленькой компании

Мати Пальм и Станислав Швец
поют Вагнера

Если Вагнер в Москве редкий гость, то Пальм и Швец на здешней концертной эстраде еще большая редкость. Первый, чья слава в 70–80-е годы гремела на весь Советский Союз, теперь творит за крепкой границей. Второй, 23-летний москвич с роскошным басом, делает карьеру в милахах-парижах, в родных пределах его вкусу удовлетворяет лишь Мариинский театр (где он подступает уже к третьей работе). Но в один прекрасный день первый бас Эстонии, восходящая звезда российского вокала и гений оперы сошлись – в Музыкальном салоне Татьяны Гудковой.

Свидетелей этого события было немного – человек 80 (то есть столько, сколько смог вместить один из залов Рахманиновского корпуса консерватории). Да и сама программа – фрагменты из “Летучего голландца”, “Лоэнгрина” и “Парсифаля” – была небольшой. Три сольных номера исполнил Пальм, один Швец, плюс дуэт, припасенный ими под занавес. Но ку-сай, меломан, оказавшийся в аутсайдерах, локти! Потому что концерт стал настоящими именинами сердца для тех, кто находит особую радость не просто в созерцании явлений, а в их сравнении. Одну и ту же натуру – Вагнера – писали под аккомпанемент Ларисы Гергиевой Пальм и Швец, но их полотно различались, как небо и земля.

С красавцем Рихардом, каким он вышел у Швеца, хотелось, все бросив, бежать в какие-нибудь романтические дали, да хоть бы в Италию, где все – любовь, сочные краски и музыка. 56-летнему Мати Пальму красотой с ним было не тя-

гаться. Голос – типичная норманнская графика, суховатая, с холодком (и кое-какими возрастными изъятиями). Даже его “Amore mio” – имеется в виду итальянская программа, исполненная им на Пречистенке за день до вагнеровского вечера, – казалась письменами, высеченными в скалах. Такой не соблазняет, такой завоевывает. “Итальянские дали? Брось! Ты ищешь Вагнера, но он не там”.

Он в самом деле скорее был здесь, с Пальмом, в арсенале которого: а) отлично артикулированное немецкое слово, к тому же досконально осмысленное, чего еще нет у Швеца, б) отлично дисциплинированный – в немецком духе – звук, в) северный темперамент, естественным образом родственный вагнеровской эпике, г) тесные отношения с музыкой великого немца. В родном театре Пальма, “Эстонии”, она звучала всегда – на наши подмостки это прекрасное чудовище выводили лишь отчаянные смельчаки, и то изредка. Что уж играть в секреты: Вагнер – известный конек эстонского певца, и пел он его на десятке мировых сцен, поэтому надо ли удивляться, что естественностью бытия в вагнеровском мире он превзошел молодого коллегу, те миры только открывающего (“Лоэнгрин”, на которого после “Летучего голландца” Швец уже приглашен Гергиевым, будет второй в его личной вагнериане работой). Добавим сюда замечательный урок ансамблевого взаимодействия, который Пальм-Голландец дал в дуэте с Даландом, и констатируем: это был класс.

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Кукельмура, – 1998. – 26 нояб. – 2 ок. – с. 10